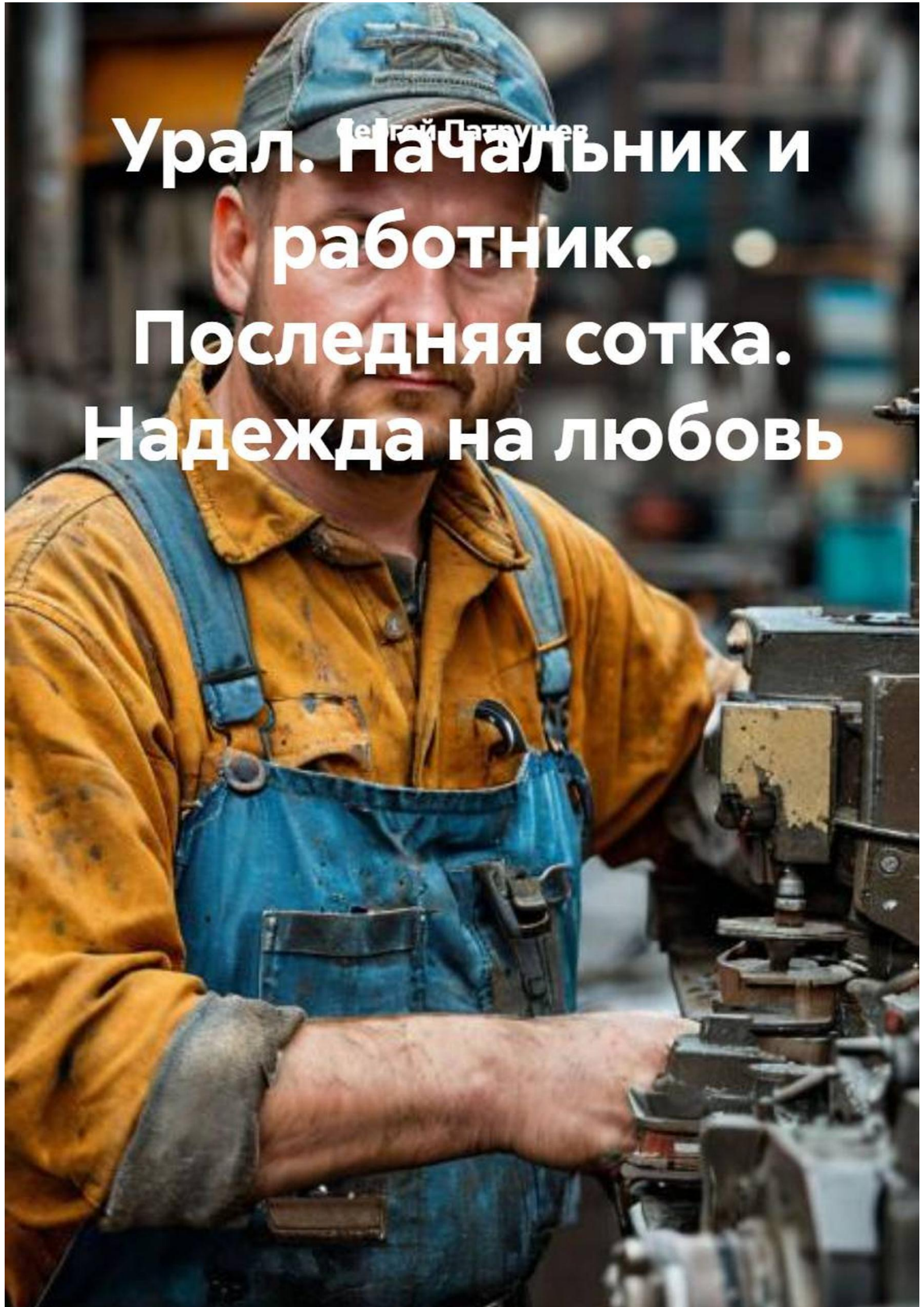

Сергей Патрушев

**Урал. Начальник и
работник.**

**Последняя сотка.
Надежда на любовь**

Сергей Патрушев

**Урал. Начальник и
работник. Последняя
сотка. Надежда на любовь**

«Автор»

2026

Патрушев С.

Урал. Начальник и работник. Последняя сотка. Надежда на любовь
/ С. Патрушев — «Автор», 2026

Валентин Степанов — потомственный токарь-карусельщик, бригадир, золотые руки, пятнадцать лет отдавший заводу «Уралтяжмаш». Парень привык к гулу станков, к запаху эмульсии и металлической пыли, вьющейся в поры. Он привык к несправедливости, к унижениям от начальства, к тому, что его труд ценится дешевле грязной ветоши. Но он не привык к тому дню, когда его вышвырнули за ворота, словно отработанный шлак. Увольнение запускает цепь событий, которые разбивают его жизнь вдребезги: предательство, унижительная бедность, холодные глаза любимой женщины, говорящей о «разных энергиях», и одиночество на берегу ночного моря под равнодушными звёздами. Когда в кармане остаётся последняя сотня рублей, он решает потратить её на глоток чужой, красивой жизни — просто чашку кофе в дорогом кафе. Эта сотка, словно трамплин, выбрасывает его в водоворот встреч, потерь и обретений, где на кону стоит не только его рассудок, но и его душа.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Сергей Патрушев

Урал. Начальник и работник.

Последняя сотка. Надежда на любовь

Глава 1. Гул, что выедает нутро

Утро на Урале никогда не начинается с солнца. Оно начинается с гула. Он просачивается в сон за мгновение до того, как вззоет заводской гудок, и этот звук — не просто вибрация воздуха, а нечто плотное, вязкое, заполняющее собой каждую пору остывшего за ночь шлакоблочного барака. Валентин проснулся от этого гула, хотя гудок ещё молчал. Он лежал, глядя в серый, покрытый колотью и трещинами потолок, и чувствовал, как его позвоночник, казалось, сросшийся за ночь с продавленным панцирем кровати, гудит в унисон с далеким, накатывающим ритмом дробильных установок. Гул обещал день, полный лязга, скрежета и той особой, пронизывающей до костей вибрации, которая остается в теле даже после душа, даже после сна, становясь частью самой физиологии человека.

Он спустил ноги на ледяной, крашенный облупившейся коричневой краской пол. Жена, Катерина, уже возилась у плиты, раздувая сырые дрова. Лицо её, еще не старое, но уже потерявшее всякую связь с девичьими чертами, было серым в утреннем полумраке. Она не смотрела на мужа. За двадцать лет брака они научились не смотреть друг на друга по утрам, потому что утренний свет безжалостно вычерчивал то, что они пытались забыть днем: бесконечную, глухую усталость, застывшую смолой на дне глаз. Валентин молча натянул робу — грубую, пахнущую металлической окалиной и старым машинным маслом ткань, которая за годы стирок не стала мягче, а лишь приобрела жесткость жести. Каждый шов на этой робе знал его тело: вот тут, на плече, протертость от вечно упирающегося ломика, тут, на пояснице, несмываемый след ржавчины, а тут, у сердца, дыра, прожженная искрой от сварки, которую он не стал зашивать, считая это чем-то вроде оберега.

Завтрак был молчаливым ритуалом выживания. Горячая картошка в мундире, крупная серая соль, кусок черного хлеба и кружка жидкого чая, отдающего веником. Нужно было набить желудок так, чтобы до обеда не сосало под ложечкой, потому что обед в цеху будет не скоро, да и тот — остывшая гречка с комками жира в алюминиевом судке. Жевать нужно было тщательно, потому что впереди двенадцать часов таких нагрузок, от которых грыжа вылезает наружу быстрее, чем успеваешь крикнуть. Зубы у Валентина ныли. Два верхних резца шатались — следствие неудачного удара отлетевшей рессорой, а к стоматологу он не ходил уже года три. Не из-за страха боли (к боли на заводе привыкаешь, как к дыханию), а из-за того, что запись к врачу была похожа на пытку унижением. Нужно было идти к начальнику цеха, кланяться, просить талон, а Семён Палыч, начальник, смотрел на эти просьбы как на предательство. «Зубы у него болят, — скажет он, глядя мимо тебя своими рыбьими, бесцветными глазами. — А план за тебя кто делать будет, Пушкин?»

Завод, к которому Валентин шагал сквозь колючую декабрьскую крупу, назывался красиво и весомо — «Уралтяжмаш». Это был не просто завод. Это был организм, дышащий смрадом серы и раскаленного металла, исполинский зверь, выросший фундаментом в скальную породу. Его корпуса, бесконечные, соединяющиеся переходами, эстакадами и трубами, тянулись до горизонта, теряясь в смоге собственного производства. Здесь плавил, ковали, штам-

повали, сваривали. Здесь из бесформенных, серых от окалины болванок рождались детали циклопических машин, которые потом поедут на север, в тундру, крушить мерзлую землю. Валентин прошел проходную, встав под сканер вместе с тысячей таких же серых, безликих фигур в одинаковых робах и шапках-ушанках. Охранник, молодой парень с прыщавым лицом, смотрел сквозь них, как сквозь пустое место. В этом взгляде уже читалась вся иерархия завода: ты никто, ты просто единица трудоемкости.

Цех номер двенадцать встретил его привычной звуковой атакой. Вопли мостовых кранов, грохот падающих листов металла, шипение пневматики и этот вездесущий, проникающий в мозг гул индукционных печей. Воздух здесь был тяжелым, его можно было резать ножом и намазывать на хлеб. Пахло перегретым железом, кислой гарью смазочно-охлаждающей жидкости и пылью, которая не оседала, а вечно висела в пространстве, заставляя легкие работать с надсадным скрипом. Прожектора под потолком — искусственные солнца — едва пробивали эту взвесь, создавая причудливую игру теней в лабиринте из гигантских колонн и станков. Станки стояли в ряд, как дрессированные, но злые звери. Им было по полвека, их станины были выщерблены, направляющие изношены, но они работали, трясясь всем своим многотонным телом, срезая стружку с такой силой, что пол под ногами ходил ходуном.

Валентин подошел к своему рабочему месту — огромному карусельному станку, где он провел последние пятнадцать лет. Станок гудел на холостых, прогревая масло в гидравлике. Рядом уже возился его сменщик из ночной смены, мужик по фамилии Кротов, маленький, вертлявый, с черными от въевшейся эмульсии руками. — Ты сегодня планетарку гонишь? — прохрипел Кротов, не отрываясь от чистки резцедержателя. — Дурная деталь пошла, Валь. Припуски плывут. Я за ночь две штуки в брак загнал. Зубарев рвет и мечет. — Планетарка, — кивнул Валентин, вешая судок с обедом на ржавый крючок, вбитый в колонну. Слово «планетарка» было ругательством. Это была сложная деталь, тарель с внутренним зубчатым венцом, допуски на которую были микроны, а заготовка весила полторы тонны. Чугун на ней был жесткий, с отбелом, резцы садились мгновенно.

Не успел он взять в руки штурвал подачи, как сзади, перекрывая даже вой фрез, раздался резкий, лающий голос. Этот голос не спутать было ни с каким производственным шумом. Он был отвратительно трезвым и звонким. — Степанов! Мать твою! Это что за художества?! Валентин медленно, слишком медленно для срочности окрика, повернулся. К нему, перепрыгивая через лужи эмульсии, почти бежал мастер Зубарев. Геннадий Ильич Зубарев был человеком удивительной, гротескной наружности. Представьте себе бочонок, поставленный на короткие ножки, обтянутый промасленной спецовкой, которая на спине всегда была темной от пота. У него была огромная, круглая, лысая голова, насаженная прямо на плечи без намека на шею. В тот момент эта голова была багровой, почти фиолетовой. Белесые, свинячьи глазки метали молнии из-под набрякших век. В руке Зубарев держал деталь — ту самую «планетарку», которую запорол Кротов. — Ты что, сука, вытворяешь? — заорал Зубарев, подскакивая к Валентину и тыча тяжелой чугунной болванкой ему прямо в лицо, так что Валентин инстинктивно отшатнулся, чтобы не получить по зубам. Мастер был ниже Валентина на голову, но стоял так, словно смотрел на него с высокой трибуны. Это было фирменное зубаревское — уничтожать взглядом снизу вверх. — Ты куда смотрел? Где твои глаза? В жопе? Это ночная смена. Кротов работал, — глухо ответил Валентин, стараясь, чтобы голос звучал ровно. Он знал, что если в голосе проскочит хоть нотка оправдания, Зубарев сожрет его с потрохами.

— Кротов?! — взвизгнул Зубарев так, что несколько рабочих с соседних станков повернули головы. — Мне насрать, кто работал! Ты — бригадир! Ты за смену отвечаешь! Почему

не проследил? Я тебя, паскуду, русским языком спрашиваю: как ты допустил брак на своем участке?! Он швырнул деталь на бетонный пол. Тяжелый чугун ударился с глухим звоном, отколов небольшой кусок цементной стяжки. Зубарев пнул деталь ногой, как футбольный мяч. — Это, блядь, не деталь, это твой надгробный памятник! Ты понимаешь, сколько это стоит? Ты со своей нищенской зарплаты до пенсии не расплатишься! Валентин смотрел на мастера и чувствовал, как внутри медленно, словно густой гудрон, закипает ярость. Она была вязкой и тяжелой. Зубарев не просто ругался. Он упивался своей властью. Для него не существовало понятий «технологический дефект» или «износ станка». Для него существовало только личное оскорбление. Ты заporол деталь — значит, ты лично плюнул в душу Геннадию Ильичу Зубареву, ты лишил его премии, ты, паскуда, подставил его перед начальником цеха.

Зубарев подошел вплотную. От него разило перегаром пополам с мятным «Холодком». Это было странное сочетание, означавшее, что вчера вечером он «принимал заказчиков», а сегодня пытался скрыть следы возлияний. Он схватил Валентина за край робы и резко дернул, заставляя наклониться. — Ты нюхал когда-нибудь порох, Степанов? Нет? А я нюхал. Я на заводе с шестнадцати лет. Я зубами детали из-под резца выгрызал, чтобы страна жила. А ты кто такой? Тьфу. Червяк. Ты пришел на все готовенькое, а работать не хочешь. Взятчик! Деталь угробил, вор! Валентин молча сжал челюсти. Челюсти скрипнули, отдавая болью в большие зубы. Он мог бы ответить, что старше Зубарева на пять лет. Что он сам в шестнадцать уже стоял у этого станка, когда Зубарев еще бегал в ПТУ. Что станок, которому скоро полвека, не способен держать допуски, указанные в чертеже, потому что люфты в шпинделе и направляющих превышают сам этот допуск втрое. Но он молчал. Он знал: любое слово, сказанное в защиту, здесь расценивается как бунт. А бунт карается просто — Зубарев выпишет ему такой наряд на самую грязную и низкооплачиваемую работу, что неделю будешь ломом перекрытия в литейке долбить, пока не завоешь волком.

Унижение продолжалось. Зубарев, видя молчаливую покорность, вошел в раж. Это была его пища — унижение мастеровых. Он орал, брызгая слюной, перечисляя все грехи Валентина, реальные и вымышленные. Он вспомнил, как Валентин три года назад взял больничный по спине, и назвал его симулянтом. Он вспомнил, как Валентин просил новые резцы с твердосплавными пластинами, и обозвал его вымогателем государственного имущества. Он стоял посреди цеха, как актер дешевого театра, и его голос гремел, отражаясь от закопченных ферм перекрытия. Люди вокруг опускали глаза. Не из брезгливости, а из страха. Каждый знал, что следующим может стать он. Кротов и вовсе нырнул куда-то за станину, притворившись, что регулирует гидравлику. Это была заводская круговая порука страха.

И тут Зубарев сделал то, что перевело ситуацию из ранга обычного рабочего хамства в нечто гораздо более опасное. Он заметил на станине станка пачку дешевых сигарет «Прима». — А это что?! — взревел он, хватая пачку. — Ты сдурел?! Курить у станка? Ты что, смертник? Ты весь цех хочешь взорвать? Тут везде масло! Валентин похолодел. Сигареты были не его. Он не курил уже пять лет. Это была пачка Кротова, которую тот забыл, когда шарился в инструментальном ящике. Но сказать «это не мое» означало заложить сменщика. А заложить кого-то перед Зубаревым — это все равно что собственноручно отвести человека на расстрел. — Это не мои, Геннадий Ильич, — тихо, но твердо сказал Валентин. — Я не курю. Зубарев на секунду замер. Его маленькие глазки сузились, превратившись в две мутные бусинки. Он почуял запах жареного, но это был запах не правды, а возможности дожать. — Ах, не твои? — протянул он шепотом, который был страшнее крика. — А чьи? Крота этого? Да плевать. Пачка лежала на твоём станке. Значит, ты нарушил противопожарный режим. Ты, падла, сознательный вредитель. Ты знаешь, что за это бывает?

Мастер медленно, с садистским наслаждением, разорвал пачку пополам, высыпая табак на промасленную ветошь, лежащую на станине. — Сейчас ты, Степанов, пойдешь и напишешь объяснительную на увольнение по собственному желанию. Вот прямо сейчас. Или я пишу докладную за грубое нарушение техники безопасности с угрозой жизни персонала. И ты вылетишь по статье, без выходного пособия, с волчьим билетом, и ни одна контора тебя на пушечный выстрел не подпустит. В цеху повисла тишина. Даже станки, казалось, притихли. Валентин стоял, опустив руки, и смотрел на табак, медленно пропитывающийся коричневой эмульсией. Перед его глазами поплыли круги. Это был тупик. Он понимал: увольнение по статье в этом городе, где завод был единственным кормильцем, означало смерть. Медленную, голодную смерть его семьи. Катерина с ее больным сердцем, дочь, которая еще учится. Кому он будет нужен в сорок пять лет, с больной спиной и клеймом «уволен за пьянку или воровство»? Зубарев всё обставит красиво, он умеет. Ребром ладони он смахнул грязную ветошь с сигаретами на пол, прямо под ноги Валентину. — Убери это дерьмо, — процедил мастер. — И смотри у меня. До конца смены отработаешь как миленький. А после смены я зайду, и мы с тобой поговорим по душам. И лучше бы тебе, сука, придумать вескую причину, почему ты еще достоин дышать воздухом в моем цеху.

Зубарев резко развернулся и, виляя своим грузным задом, пошел к выходу с участка. Его спина в промасленной спецовке выражала крайнюю степень презрения ко всему миру. Валентин остался стоять. Унижение было настолько глубоким, что он не чувствовал его. Он чувствовал только холод. Холод бетонного пола, проникающий сквозь подошвы ботинок, холодный пот на спине и ледяной ком в желудке. Он наклонился и, собрав грязную ветошь с табаком в кулак, понес ее к мусорному баку. Спина болела, но он этого не замечал. В голове билась только одна мысль, бессмысленная и страшная: «Двенадцать часов. Мне еще стоять здесь двенадцать часов». Он вернулся к станку, дрожащими руками закрепил в резцедержателе новый резец, включил подачу эмульсии. Белая струя с шипением ударила в зону резания. Валентин вцепился в штурвалы. Металл взвыл, поддаваясь резцу, сизая, выющаяся спиралью стружка побежала, ломаясь на куски и падая в поддон. Станок трясся всем своим многотонным телом, передавая дрожь Валентину. И он заставлял себя думать только о резце, о подаче, о микронах, написанных в чертеже. Только работа. Только гул. В этом гуле можно было раствориться, забыть позор, забыть страх, забыть ожидание конца смены. Но гул был обманщиком. Он не лечил, он лишь откладывал неизбежное. Валентин знал: после смены Зубарев придет. И тогда в этой звуковой яме ада наступит другая, гораздо более страшная тишина — тишина объяснительной и сломанной судьбы. И гул завода, который был ему колыбельной и проклятием, уже не казался ему гулом машин. Это был скрежет перемалываемых человеческих костей, на котором держалась мощь Уралтяжмаша.

Глава вторая: «Железный ветер»

Зубарев не заставил себя ждать до конца смены. Он вообще редко сдерживал обещания, данные быдлу, но в этот раз его словно подстегивал какой-то азартный бес. За час до финального гудка, когда Валентин, мокрый от пота и эмульсии, заканчивал обработку последней планетарки, к его станку подошли двое. Это был не привычный, вихляющий шаг мастера-самодура. Это была тяжелая поступь власти. Рядом с Зубаревым, который теперь семенил чуть позади, заискивающе заглядывая в лицо спутнику, вышагивал начальник цеха Семён Палыч Рогов. Если Зубарев был шакалом, то Рогов был старым, облезлым львом прайда. Он был сух, высок и абсолютно сед, с желтоватым, пергаментным лицом, на котором застыло выражение

вечной брюзгливой брезгливости. Он никогда не кричал. Его оружием была тишина и бухгалтерская ведомость, которую он носил в планшете как боевой топор.

Валентин отключил подачу. Станок затих, и в наступившей относительной тишине (если можно назвать тишиной оглушительный фон работающего цеха) раздался скрипучий, негромкий голос начальника. Он не поздоровался. Он посмотрел на Валентина, как смотрят на треснувшую шайбу, которую нужно выкинуть в лом. — Степанов. Собирай инструмент. Сдашь пропуск в отделе кадров. С завтрашнего дня ты здесь не работаешь. Зубарев за спиной шефа расплылся в торжествующей, масляной улыбке. Валентин стоял, сжимая в руке промасленную ветошь. Он ожидал крика, спора, унижительной процедуры писания объяснительной. Но нет. Это был не расстрел после суда. Это был убой в затылок без предупреждения. — Палыч... Семён Палыч, — голос Валентина сел, стал чужим. — За что? Я же пятнадцать лет... Станок этот... Я же дышал им. — Вот именно, что дышал, — Рогов брезгливо поморщился, и это движение тонких губ было страшнее зубаревского мата. — Дышал, а толку ноль. План горит, участок в браке, дисциплина на нуле. Ты думаешь, я не знаю, что у тебя на станке нашли? Курево, пьянки. Вы тут все распустились. Хватит. Сокращение штата. Ты попадаешь под приказ первым. Приказ, кстати, я подписал еще утром. Так что это не наказание, Степанов, это экономическая необходимость.

Слово «сокращение» ударило под дых сильнее, чем если бы его ударили кувалдой. Валентин беспомощно оглянулся на Кротова, на других рабочих, но те, словно крысы с тонущего корабля, попрятались за своими станками. Их лица были серыми. Они понимали: если уж убирают бригадира с пятнадцатилетним стажем, то завтра придут и за ними. Солидарность умерла в этом цеху давно, раздавленная годами зубаревского террора и сдельной системой оплаты. Рогов, потеряв интерес к увольняемому, развернулся и пошел прочь, бросив через плечо Зубареву: — Проследи, чтобы он забрал всё до гудка. И проверь ящики. Чтобы ни одного болта казенного не вынес. Зубарев кивнул, почтительно сложив руки на животе, и, когда спина начальника скрылась за колоннами, повернулся к Валентину. Глаза его сияли. — Ну что, бригадир? Достукался? Пошли, я тебя лично до проходной провожу. А то наворуешь по старой памяти.

Валентин собирал свои пожитки как в тумане. Его руки, еще час назад уверенно державшие микрометр, тряслись. В старом, облезлом шкафчике, обитом изнутри порнографическими картинками из журналов восьмидесятых годов, лежала его жизнь. Сменная обувь с лопнувшей подошвой, кружка со сколом, кусок хозяйственного мыла в ржавой мыльнице, зачитанная до дыр книжка «Справочник токаря-карусельщика» и фотография Катерины, сделанная еще в молодости, где она смеялась, стоя у фонтана в городском парке. Зубарев стоял над душой, брезгливо трогал носком ботинка его вещи. — Книжку-то зачем берешь? Она заводская, библиотечный фонд, — хмыкнул он. Валентин молча выдрал из книги библиотечный формуляр и положил на полку. Книгу он сунул за пазуху. — Да подавись ты, — махнул рукой Зубарев. — Нам такие грамотеи на хрен не нужны. Нужны работяги, а не философы с больной спиной. Иди давай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.